

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КАК КОМПОНЕНТ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА

П. А. Лекова

Дагестанский государственный университет

Поступила в редакцию 20 сентября 2018 г.

Аннотация: на примере 50 публикаций журналиста Заура Газиева показано использование в них слов и выражений с экспрессивно-оценочным значением, единиц различных функциональных стилей, предцентных текстов и других средств, формирующих его речевой образ в дагестанском и российском медиапространстве.

Ключевые слова: язык СМИ, языковая личность, речевой портрет, языковые средства выражения оценки, воздействующая функция.

Abstract: represents a careful study of 50 publicistic works of Dagestan journalist Zaur Gaziev. The author analyzes different ways of composing Z. Gaziev's verbal portrait through expressive words and word-combinations, units of different functional styles, precedent texts, syntactic constructions in Russian and Dagestanian mediaspaces.

Keywords: mass media language, linguistic persona, verbal portrait, means of linguistic evaluation, impact function.

Проблема языковой личности — одна из актуальных и перспективных в современной лингвистической науке. Еще В. В. Виноградов, посвятивший ряд работ языку художественной литературы, обращал внимание на проблему индивидуального речетворчества, подчеркивая, что языковая личность — это «вместе лище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и слияния разных социально языковых категорий» [1, с. 203]. Концепция языковой личности в аспекте лингводидактики разрабатывалась Г. И. Богиным, который считал, что языковая личность — это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности выполнять речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [2, с. 12].

Ряд работ Ю. Н. Карапурова посвящен исследованию языковой личности как «совокупности способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной; в) определенной целевой направленностью» [3, с. 132]. Лингвисты отмечают бесспорность того факта, что языковая личность проявляется через индивидуально-авторскую картину мира, т. к. в ней сливаются воедино языковая компетенция, творческое самовыражение, общественно-социальное проявление человека, его воспитание, культура, языковой вкус, мировоззренческое поведение и т. д.

Речевой портрет личности, таким образом, может рассматриваться как феномен, отражающий динамику изменений, происходящих в языке, в сфере

коммуникации, культуре, способах мировосприятия и интерпретации действительности.

Научный интерес к журналисту как языковой личности обусловлен как минимум тем, что журналистский текст призван оказывать и оказывает влияние на современную массовую аудиторию, для которой свойственно воспринимать мир через призму медиатекста. Среди исследований, посвященных языковой личности современного журналиста, можно назвать работы М. А. Куроедовой, отметившей, что «в речевом портрете <журналиста> могут быть выявлены практически все стилевые и содержательные параметры» [4, с. 10], И. В. Одарюк, сформулировавшей ряд положений о «связи между выбором того или иного речевого стереотипа и индивидуальностью автора» [5, с. 5].

В контексте нашего исследования особый интерес представляет работа С. А. Свистельниковой, которая обратилась к изучению специфики речевого портрета оппозиционного регионального издания. Обосновывая исследовательский интерес к проблеме, автор формулирует важный тезис: «...для полного понимания структуры современной российской национальной картины мира необходимо учитывать и такие сферы ее проявления», которые находятся на периферии информационных потоков [6, с. 4].

Региональные СМИ действительно формируют важнейшие составляющие российской национальной картины мира. Журналисты — авторы региональных изданий — тесно связаны со своей целевой аудиторией, могут отследить реальное воздействие своих публикаций на адресата. Региональных журналистов, сотрудничающих в так называемых оппозиционных СМИ, отличает активное стремление к творческому

самовыражению, стремление заявить о себе на всех доступных аудитории медиаплатформах.

В данной статье представлены некоторые аспекты лингвистического анализа речи современного дагестанского журналиста Заура Газиева, который является ведущим аналитиком газеты «Свободная Республика», известным в Дагестане и за его пределами публицистом, блогером, создателем и ведущим общественно-политических телевизионных программ, автором, имеющим свою постоянную аудиторию.

Научно-исследовательский интерес к этому автору неслучаен: в текстах З. Газиева ярко проявляется основная функция публицистики — воздействующая, кроме того, они являются одним из немногочисленных примеров открытого выражения гражданской позиции по дискуссионным общественно-политическим вопросам. Присутствие в дагестанском медиапространстве такого автора, как Заур Газиев, дает аудитории возможность ощутить включенность в оппозиционный политический дискурс, формирует критическое отношение к действительности, актуализирует аналитическую составляющую восприятия действительности реципиентами.

Цель исследования, проведенного в рамках данной статьи, — выявить и описать различные экспрессивно-оценочные средства, использованные журналистом и отражающие специфику авторской интерпретации реальной действительности и характер взаимодействия субъекта высказывания с адресатами информации.

Анализ названных языковых средств позволит представить один из фрагментов речевого портрета Заура Газиева как журналиста, сотрудничающего с конкретным СМИ. С нашей точки зрения, проведенное исследование актуально в контексте изучения дискурсивных практик российской оппозиционной журналистики, которые не привлекались к систематическому научному анализу.

Материалом для анализа послужило 50 публикаций Заура Газиева за 2015–2017 гг. в русскоязычном еженедельнике «Свободная Республика». Это негосударственное СМИ можно назвать оппозиционным по отношению к официальным республиканским СМИ и органам: его материалы изобилуют разнообразными имплицитными и эксплицитными приемами выражения негативного отношения как к федеральным, так и к местным, дагестанским, властным структурам. З. Газиев работает в газете около 12 лет, в названном издании его публикации представлены в основном информационно-аналитическими статьями.

Характерное для журналистского текста чередование стандарта и экспрессии в статьях З. Газиева проявляется на уровне сосуществования на достаточно коротких участках текста (60–70 слов) общеупотребительной, высокой и сниженной лексики: «Еще два месяца назад казалось, что наша страна как *неприступная цитадель* противостоит любым попыткам изменить хоть что-то внутри нее, 84% ее опрошенного населения

выражало свое *обожание верховному главнокомандующему*, а федеральные СМИ говорили о том, как у нас все замечательно и как вот-вот чикнутся все враги России. С особым *наслаждением* говорили о том, как стране безразличны санкции» (СР, № 12, 2017).

Обращает на себя внимание тот факт, что журналист, сталкивая слова, принадлежащие к разным стилям речи, формирует иронические смыслы (*страна как цитадель; обожание главнокомандующему*), демонстрирует включенность в оппозиционный политический дискурс, создавая политический подтекст высказывания.

Использование журналистом слов сниженного стиля призвано усилить критический накал публикаций, сократить дистанцию между адресантом и адресатом. Среди индивидуальных авторских приемов актуализации сниженной лексики следует назвать авторские новообразования. Например, глагол «чикнуться» создан на базе двух лексем: «гикнуться» (умереть) и «чикнуть» (убить, прикончить).

Особенностью языковой личности З. Газиева является индивидуально-авторский подход к языку. Это касается в первую очередь лексики: «Не нужно быть для этого каким-то *сенсориком*, предгрозовое состояние ощущают все» (СР, № 4, 2016); «Думцы мыслят категориями дурного исторического отрезка» (СР, № 14, 2017); «...мне удивительно, как после всех этапов *расчеловечивания*, через которые проходила наша страна, мы еще не бросаемся друг на друга с ножами и оскорблениеми» (СР, № 10, 2017); «Она [Турция] пока в начале этого пути, но со временем стадии погружения в *деструктив* будут все глубже... Не знаю, кому как, но по мне — это дно, на которое не решаются опуститься даже наши *вертикальстроители*» (СР, № 11, 2017); «Авторитарные режимы сознательно оболванивают и *оскотинивают* народ» (СР, № 5, 2017); «За всеми нами через веб-камеры наших персональных устройств начнут ежедневно наблюдать на вполне законных основаниях! Даже у нас, в *гиперполицейском* государстве, это уже чересчур» (СР, № 14, 2017); «Все кончилось тем, что у телевизоров остались только пенсионеры. А цену этим *оркам* на федеральных каналах, которые за три копейки скажут все, что им продиктуют...» (СР, № 28, 2017).

Все окказиональные новообразования, как видно из примеров, созданы З. Газиевым по словообразовательным моделям, продуктивным для современного русского языка. Актуализируя эти модели, журналист демонстрирует понимание процессов, происходящих в языке под влиянием экстралингвистических факторов, демонстрирует речевой опыт, языковую интуицию. Интерес к слову и словотворчеству, на наш взгляд, является отражением творческих интенций автора, его коммуникативного потенциала.

Журналист активно использует в своих текстах не только авторские неологизмы как один из приемов усиления экспрессивности текста (3% от общего числа неологизмов), но и слова, закрепившиеся в язы-

ке современной ему действительности. Около 70% неологизмов в публикациях журналиста – это имена существительные, образованные от глаголов безаффиксным способом: *перебор, промах*; существительные, образованные от других слов безаффиксным способом: *комментарии – комменты, официальные представители – официалы, федеральные служащие – федералы*. Интерес автора к этой разновидности неологизмов можно объяснить стремлением сделать текст более динамичным, а также сигнализировать об авторской картине мира, отражающей различные аспекты действительности, в том числе языковой.

Особую группу неологизмов в статьях Газиева составляют слова, характерные для молодежного жаргона, самым частотным из которых является глагол «хайпить» и его производные: «Не остался в стороне и пресс-секретарь Путина — господин Песков. Ничего путного не сказал, но тренд не упустил и на этой новости *прохайпился* по максимуму» (СР, № 24, 2017).

Глагол «прохайпиться» имеет в данном контексте значение «привлечь к себе внимание», «поднять вокруг себя шумиху». Генетически данный глагол связан с хип-хоп культурой, где использовался как термин, обозначающий PR-акции, нацеленные на продвижение исполнителя или проекта. В настоящее время слово функционирует в молодежной среде, в частности среди участников общения в соцсетях. Следует заметить, что З. Газиев — автор многих медиапроектов и его речевое поведение отражает осо-бую культуру языковой личности, включенной в процессы интернет-коммуникации.

Стремление оказать действенное влияние на аудиторию в текстах З. Газиева проявляется в использовании оценочной лексики. Использование пейоративов в публикациях журналиста регулируется целым рядом факторов, в том числе характеристиками жанра. В информационно-аналитических статьях журналист прибегает к обозначенной лексике чаще, чем в текстах других жанров (комментариях, прогнозах): 10 раз на 2 500 знаков с целью формирования отрицательной оценки состояния экономики, действий властей и т.д.

Необходимо учитывать, что отличительной особенностью идиостиля данного журналиста является установка на контаминацию жанров. В частности, можно утверждать, что аналитические статьи автора, посвященные анализу современного политического процесса, имеют жанровые черты памфлета.

Соединяя структурные и содержательные элементы аналитической статьи и памфлета, автор создает систему оценочных эпитетов, отражающих его отношение к действительности: *чистейший* произвол (СР, № 11, 2015), *распоясавшиеся* правоохранители (СР, № 15, 2016), *горе-работники* (СР, № 5, 2016), *истерики* Зейналова (СР, № 29, 2016), *злобствует* Соловьев (СР, № 31, 2016), *фонтанирует* Киселев (СР, № 31, 2016), *мирный* протест (СР, № 18, 2016), *вооруженный* протест (СР, № 44, 2015), *чудовищная* история

(СР, № 31, 2016), *барские замашки* (СР, № 19, 2915), *хамская вельможная* манера общения (СР, № 41, 2015), *скверные* дороги (СР, № 33, 2015), *ужасное* образование (СР, № 33, 2015), *кошмарная* медицина (СР, № 33, 2015), *шкурные* интересы (СР, № 33, 2015), *темное* большинство (СР, № 27, 2016), *духовный* кризис (СР, № 25, 2016), *махровый* фашизм (СР, № 7, 2017), *космическая* глупость (СР, № 9, 2015) и т.д.

За счет оценочных эпитетов в текстах З. Газиева заявлена высокая степень полемической заостренности, характерная для памфлетистики, реализуются конкретные прагматические цели, в частности разоблачение политического оппонента и PR-технологий, не позволяющих реципиенту сформировать объективную картину мира. Когнитивной основой для формирования оценки выступает оппозиция понятий: «реальная действительность» и ««залакированная» действительность».

Система оценочных эпитетов в статьях Газиева демонстрирует такую черту мировосприятия автора, как отсутствие установки на нейтральное восприятие действительности, очевидное преобладание отрицательного начала над положительным в авторской картине мира.

Тенденциозность памфлета, установка на общедоступность и эмоциональное восприятие находят свое выражение в метафорике текстов З. Газиева. Особенностью языкового стиля исследуемого автора является использование развернутых метафор: «Государство — это бесчувственная машина, шестеренки которого наворачиваются, перемалывая человеческие судьбы. Гражданское общество нужно для того, чтобы смазывать эти шестеренки, ставить преграды, чтобы туда не попадали люди» (СР, № 12, 2016); «Я болел за Эммануэля Макрона: бессовестно, отчаянно самозабвенно. Безоглядно рубился за него с ватницами и ватниками в клавиатурных войнах на бескрайних полях соцсетей и с гордостью принимал поздравления после 7-го мая. В эти дни я и узкий круг моего общения жили французской тематикой» (СР, № 17, 2017). К такому приему журналист прибегает, как показали наши наблюдения, когда тема глубоко его волнует, эмоции захватывают, он не только передает информацию, описывает факт, но переживает его лично, «пропускает через себя».

В следующих примерах также представлены развернутые метафоры: «Надо сказать, что Дастан Шаршев *не Равшан и Джамшут от спорта*. Он имеет высшее юридическое образование и невероятное трудолюбие» (СР, № 9, 2017); «...предгрозовое состояние ощущают все» (СР, № 19, 2016).

Вышеприведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что отличительной особенностью идиостиля журналиста является метафорическое развертывание текста. В некоторых случаях весь текст построен на развернутой метафоре: «Окунаясь в его [Теймура Абдуллаева] повествование, я чувствую, как он аккуратно берет меня за руку и ведет по волн-

не своей памяти. Но память при этом — очень ненадежный хранитель. Она меняет события местами, она стирает детали или сгущает краски»; «Не могу знать, какие отношения у российских властей с господином Милоновым, но он стал человеком, бросившим на растерзание общественному мнению кость, которую принялись жадно гладить все» (СР, № 15, 2017).

Кроме развернутых метафор, способствующих организации структуры текста и репрезентации политических смыслов, нами зафиксированы и простые: одночленные или двучленные (состоящие из одного слова или двух слов): «И чем больше нас убеждают, что все эти блага нам только кажутся и не нужно верить своим глазам, тем меньше сил терпеть это зазеркалье» (СР, № 18, 2016); «В наших людей в последнее время просто вдалбливают культ хамства и тупой силы» (СР, № 37, 2016); «В то время советская промышленность производила самостоятельно почти все, что было нужно для жизни. Качество было иногда высоким, иногда это было просто дермо...» (СР, № 14, 2017); «Сегодня мы — страна-изгой» (СР, № 14, 2017); «вершина социума» (СР, № 15, 2017), «лицемерная показуха» (СР, № 14, 2017); «нравственные маяки» (СР, № 14, 2017).

В материалах Заура Газиева функционируют как метафоры-клише, так и индивидуально-авторские метафоры К клишированным метафорам («социальная пирамида», «распределение мест у кормушки», «информационное поле», «обстановка накалена», «шквал негодования») автор прибегает в 70% случаев. Их употребление в текстах различных жанров не дает нам оснований для выводов об индивидуальных характеристиках авторского стиля. Можно говорить о том, что метафоры этой разновидности включаются автором в процесс анализа события или явления, способствуют проведению параллелей, позволяют читателю идентифицировать журналиста как представителя определенной социальной группы, носителя определенного жизненного опыта и т.д. Однако частотность употребления свидетельствует об авторской установке на формирование экспрессивно-эмоционального текста.

Авторские метафоры обычно активно функционируют в художественно-публицистических текстах, однако З. Газиев обращается к ним в основном в текстах информационно-аналитических жанров: «Дагестан — это отдельный космос» (СР, № 5, 2016); «Мы живем в каком-то контексте» (СР, № 13, 2017); «Гималаи самомнения» (СР, № 32, 2016); «Выбор страны — это ее будущее, это ее карма» (СР, № 45, 2016); «Сейчас политики, что называется, поймали тишину» (СР, № 39, 2016) и т.д. Индивидуально-авторские метафоры свидетельствуют о напряженной работе авторского творческого сознания, о его стремлении выразить собственное видение сложных политических процессов.

К средствам выражения оценочности в текстах Газиева относятся также фразеологические единицы. Чаще всего это разговорные обороты с отрицательной коннотацией: «Война — это закономерный

финал диктатур. И огромное желание закрыть рот всем, кто думает и говорит вразрез с генеральной линией...» (СР, № 20, 2017); «Турецкой прессе заткнули рот» (СР, № 16, 2017); «В девяностые как с цепи сорвались не какие-то иностранцы, а именно плоть от плоти советские люди» (СР, № 14, 2016). В одном контексте используются два фразеологизма разных стилей: разговорного и книжного.

Прибегая к приемам трансформации фразеологизмов, автор вступает в языковую игру с читателем. Например, фразеологизм *стоит как вкопанный* характеризует состояние человека, а в текстах Газиева трижды используется выражение «народ стоит как вкопанный» (СР, № 17, 2016; № 11, 2016; № 5, 2017). Авторский фразеологизм рождает в воспринимающем сознании дополнительные смыслы, эффект «узнавания/неузнавания», усиливает отрицательную оценку действия, кроме того, отсылает к прецедентному феномену — пушкинской фразе «народ безмолвствует».

Чтобы усилить экспрессию, обновить смысл фразеологизмов, автор не только подвергает их трансформации, но и включает в процессы метафорического развертывания текста: «Мы сидим на бочке с порохом. Сейчас бессмысленно искать виноватых — нужно аккуратно встать с этой бочки и осторожно откатить ее подальше. Не нужно играть со спичками рядом с воспламеняющимися предметами» (СР, № 10, 2016). Целый текст построен на метафоре, в основу которой положен фразеологизм, причем сема «опасность, исходящая от воспламеняющихся предметов», позволяет привлечь и другое выражение — *играть со спичками*. Так образно З. Газиев не только характеризует процессы, происходящие в нашем обществе, и отношение к ним властей, но и предупреждает о наездающей в обществе взрывоопасной обстановке.

Аналогичную игру мы наблюдаем в следующем тексте: «...общество больно. Оно только выглядит здоровым. Конечно, можно какое-то время имитировать гражданский диалог, экономический рост... Но в один день появляется тот, кто говорит, что король голый. И потом все сыплятся, как карточный домик» (СР, № 19, 2017).

Приведенные примеры свидетельствуют также о том, что З. Газиев имеет ярко выраженную установку на персонификацию действительности, своюственную современной авторской журналистике. Он представляет власть в системе конкретных медиаобразов. Свою задачу он видит в том, чтобы снизить или разоблачить уже существующие образы и заявить таким образом о своих ценностных ориентирах, оказать воздействие на реципиентов..

Установка на целенаправленное убеждение адресата в справедливости взглядов автора и его отношения к современной идеологии провоцирует журналиста на использование обозначенных выше приемов даже в текстах новостных жанров: «Еще одна новость... — митинг в парке имени 50-летия Октября

в Махачкале... Меня тоже приглашали. *Правда*, после того как один из организаторов начал объясняться в своей любви к Путину и костерить Навального, я понял, что там такая *каша в голове*, что лучше *держаться подальше*. А позиция его по отношению к главе Дагестана меня окончательно *добыла*» (СР, № 14, 2017). Очевидно, что событийная и оценочная составляющие препрезентируются автором как равновеликие, одинаково значимые для оппозиционного политического дискурса.

Ощущая свою включенность в оппозиционный политический дискурс, автор интерпретирует действительность через систему смысловых оппозиций («народ — население»; «президент — монарх»; «местная власть — федералы»; «образование — свидетельство об образовании»; «культура — массовая культура»; «разделились — раскололись»; «добились — получили»; «воевать — гулять»), что усиливает эмоционально-экспрессивную составляющую его текстов.

Интертекстуальность — одно из важнейших средств актуализации воздействия на реципиента и убеждения его в правильности авторской позиции, в рамках политического оппозиционного дискурса в том числе. Приемы интертекстуальности могут быть отнесены к средствам эмоционального воздействия на адресата. Мы можем говорить о том, что автор, апеллируя к прецедентным феноменам (для З. Газиева это тексты классической русской литературы — 10%; малые фольклорные жанры, в основном дагестанские пословицы — 15%; тексты массовой культуры — 30%; цитаты — 45%), стремится придать афористичность своим высказываниям, более того, возможно утверждать, что он заявляет тенденцию препрезентировать политическое высказывание (оценку, характеристику, прогноз) именно как афоризм: «Единственный способ жить хорошо — сразу уходить оттуда, где плохо» (СР, № 13, 2017); «Лучше меньше, но достойнее» (СР, № 17, 2016); «Его не задержать без вертолета!» (СР, № 1, 2018); «Власть — это больше, чем деньги» (СР, № 1, 2018); «...иногда мы делаем то, что делаем, не потому, что хочется. А потому, что иначе будет еще хуже...» (СР, № 1, 2018); «Война — это закономерный финал диктатур» (СР, № 3, 2017).

Обобщить и оценить сказанное автору помогают пословицы, поговорки: «...никакой коррупции у нас нет. Аргументация его была под стать ему самому: *не пойман — не вор*» (о министре внутренних дел Дагестана Магомеде Абдулашидове) (СР, № 14, 2015); «Я не фанат Саши Спилберг, но мне ее вдруг стало жалко. Ей нужно было быть максимально политкорректной,

чтобы, как говорится, и волки были сыты, и овцы целы» (СР, № 14, 2017). Обращает на себя внимание автора посредством обращения к интертекстуальным феноменам активизировать желание читателя задаться вполне конкретными вопросами, характерными для политического дискурса. В контексте приведенных примеров они выглядят примерно так: кто из героев публикации «вор», кто «волки», а кто «овцы» и т.д.?

Как видим, приемы интертекстуальной игры с читателем в текстах З. Газиева находятся в тесном взаимодействии, расширяя семантическое поле текстов, способствуя реализации авторской установки не только на воздействие на аудиторию, но и на соразмышление с ней в общей логике, обусловленной единым социально-культурным опытом.

Таким образом, можно говорить о том, что идиостиль журналиста Газиева сформировался в условиях интеграции традиционной журналистики и интернет-журналистики, что обусловило выбор жанровых приоритетов. Газиев — один из представителей так называемой авторской журналистики, активно ищащей новые жанровые формы. Для З. Газиева это информационно-аналитическая статья с элементами памфлета. Этот выбор продиктован, на наш взгляд, включенностью автора в оппозиционный политический дискурс. Как следствие, индивидуальный авторский стиль журналиста отмечен высокой степенью тенденциозности, безапелляционности, уверенности в своей правоте, что выразилось в активном использовании эмоционально-экспрессивных способов влияния на аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1980.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. — М., 1984.
3. Карапулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Карапулов. — М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 1987.
4. Одарюк И. В. Особенности стереотипного речевого поведения журналистов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Одарюк. — Ростов-на-Дону, 2003.
5. Свистельникова С. А. Речевой портрет оппозиционной газеты: концептосфера, жанры, образные средства: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Свистельникова. — Белгород, 2010.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова / С. И. Ожегов. — М.: Мир и образование, 2012.

Дагестанский государственный университет
Лекова П. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: Liekova65@mail.ru

Dagestan State University
Lekova P. A., Candidate of Philology, Associate Professor of
the of Russian Language Department
E-mail: Liekova65@mail.ru